АШИМОВ И. А.

НФ-ФИЛОСОФИЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АППЕРЦЕПЦИЯ

И.А. Ашимов

НФ-философия. Концептуальная апперцепция

«Издательские решения»

Ашимов И.

НФ-философия. Концептуальная апперцепция / И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644320-4

В научной монографии рассматриваются теоретико-познавательные аспекты нового жанра философии — «НФ-философии». Подчеркивается место и роль научной фантастики как протофилософии и «НФ-философии» как познавательной системы. Дается характеристика концепции «НФ-философии», его проблематики. Излагаются основы логической части аппарата этой системы, а также некоторые аспекты категориальной апперцепции. Представляет интерес в аспекте теории познания, научного мировоззрения и мировоззренческой культуры.

ISBN 978-5-00-644320-4

© Ашимов И.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Глава 1 8
Фантастика как мировоззренческая парафилософия 9
Глава 2 20
Научная фантастика как научная парафилософия 21
Конец ознакомительного фрагмента. 31

НФ-философия
Концептуальная апперцепция

И.А. Ашимов

© И.А. Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-4320-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа выполнена в Виртуальном Институте Человека (ВИЧ) при Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР). Одобрена к публикации решением веб-редакционного совета ВИЧ. Рецензентом является Тогусаков О. А. – доктор философских наук, академик НАН КР. Монография рассчитана на студентов, асприантов, научных работников, а также философов, интересующихся вопросами теории познания, научного мировоззрения и мировоззренческой культуры.

Человечество переживает эпоху сверхтехнологий, девиз которой: «Да Здравствует Их Величество Наука – Техника – Технология!». Техника и технологии покорили мир, сделав ощущение «я» иллюзорным, виртуальным, стирая нашу идентичность, что, по всей вероятности, приведет к порождению уже новых типов людей будущего. Даже на вскидку можно мыслить о том, что население Земли в скором будущем будут составлять и представлять «постчеловек», «трансчеловек», «неочеловек» с новым Сознанием, порожденными «Их Величеством Наука – Техника – Технологии».

Итак, наступило время гипертехнологической и циничной культуры постмодерна, требующая переформатирования сознания людей. К сожалению, большинство ныне живущих людей даже не помышляют о последствиях новых и сверхновых технологий. А ведь на горизонте уже вырисовывается громадный вопросительный знак. Причем, очертания глобального вопроса – выживет ли человеческая цивилизация? Какова ее дальнейшая судьба? В мире быстрыми темпами развивается процесс «мегамашинизация» цивилизации – цифровизация, кибернетизация, биотехнологизация. Под их влиянием в чреве гностической научной фантастики рождаются невероятные и парадоксальные сюжеты. Причем, по большей части с темными предчувствиями фиаско сверхтехнологий, а также предощущениями развития технологического апокалипсиса.

К чему приведет бесконтрольная технология роботизации, клонирования человека, генной инженерии, интерфейса искусственного интеллекта? Между тем, к сожалению, относительно мало ученых или писателей-фантастов, которые, во-первых, могут в силу своего уровня познания, мировоззрения, моральной ответственности произвольно перескакивать через дисциплинарные и теоретические границы в целях концептуальной проработки глобальных технологических проблем и обобщать мысли и суждения в русле «технологической предосторожности», а во-вторых, могут в той или иной степени указать на «правильные» направления и предположить парадоксальные, жёсткие и непривычные проекты их разрешения в целях создания необходимой подпорки для выживания человеческой цивилизации.

Научно-фантастическую литературу люди склонны оценивать, как вид словесности, главным образом, с точки зрения, во-первых, популяризации науки, новых знаний и технологий, а во-вторых, массовой культуры, её категорий и форматов. Между тем, следует оценивать их и с точки зрения философии. В этом аспекте, общей задачей нашей серии «SF-философия» (далее – «НФ-философия») является логическое обоснование собственной концепции «Научная фантастика как познавательная система» с последующим формированием «НФ-философии» как системно-ответственную популяризацию, концептуализацию и философизацию достижений современной науки, техники и технологий. Причем, используя литературоведческий, научный, философский, социально-психологический инструментарий, в том числе обозначив своеобразие ряда авторских научно-фантастических романов, которых следует рассматривать и как философские произведения.

Моему перу принадлежат серия научно-фантастических романа «Пересотворить человека» (2012), «Биовзлом» (2015), «Фиаско» (2015), «Биокомпьютер» (2019), «Клон дервиша» (2016), «Аватар» (2023). Нужно отметить, что указанные выше научно-фантастиче-

ские романы тематически неоднородны с литературоведческой точки зрения, но однородны с позиции философского научного труда. Потому, отнести их к массовой литературе мешает то, что их читателя массовым не назовёшь. Понять философские допущения вышеприведенных научно-фанастических и социально-философских трудов, а также результаты их осмысления и обобщения с позиции «НФ-философии» поймёт и оценит не каждый, так как состоят из множества компактной, однородной массы философских текстов.

Следует отметить, что данная «компактная масса» при более глубоком рассмотрении не так уж однородна – как по глубине философской интерпретации и комментариев текста, так и по степени научности. Границы научно-фантастических и, так называемых социально-психологических романов, во многом условны, но различимы. Если первая группа романов (научно-фантастические) можно определить, как «условный цикл романов философской фантастики», то вторую группу романов (социально-философские) можно расценить как откровенную и сознательную «социально-психологическую провокацию».

Однозначно, использование романов, как первой, так и второй серии романов в качестве пропаганды определённых научных, философских, социально-психологических идей и взглядов автора, касающихся злободневных и сверхактуальных проблем, можно считать намеренно-провокационными и, по сути, представляет собой новую форму концентрации новых философских идей, изъятых из контента научной фантастики. В романах пытался заострить внимание читателей на пересечение границы не только между фантастикой и реальностью, но и между реальностью и виртуальной реальностью. Там, где ещё не кончилась реальность, но уже началась условность, читателем ощущается странность наступающего времени (роман «Аватар»).

Позволяя себе некий максимум свободы в воображении, мне пришлось выстраивать сюжет из того, чему только предстоит произойти и на изображение чего в обществе пока наложены строгие табу. Речь идет о клонировании человека, генной модификации человека, создания нового Сознания с помощью интерфейса человека и искусственного интеллекта, деперсонализации хирурга в условиях роботохирургии и пр. На мой взгляд, романы можно отнести к когистике (от cogito – мыслить), указывая на то, что их основа – не умозрение и утопия, а научный прогноз тенденций той или иной технологии будущего, так как в качестве «логического и паралогического типов фантастического текста», в них художественно обыгрываются разнообразные научно-технологические темы.

Книга «НФ-философии» состоит из двух частей. Если задачами 1-й части являются определение: во-первых, места и роли научной фантастики и философии во взаимосвязи: во-вторых, фантастики как мировоззренческой парафилософии; в-третьих, научной фантастики как научной парафилософии; в-четвертых, «НФ-философии» как практической философии, то задачами 2-й части являются определение: во-первых, научной фантастики и «НФ-философии» как познавательной системы, адаптированной к современным условиям развития науки, техники и технологий; во-вторых, концепции создания этой системы, его проблематики; в-третьих, места и роли системы в познавательной деятельности индивида или иначе проектирование системы к практике.

Ашимов И. А.

***

Глава 1

Фантастика как мировоззренческая парафилософия

Фантастику всегда рассматривали как эффективное средство формирования, развития и трансформации мировоззрения людей, как целостного взгляда их на мир и свое место в нем. Причем, это касается всех форм мировоззрения: во-первых, мифологического (совмещение как фантастического, так и реалистического восприятия действительности); во-вторых, религиозного (вера в наличие сверхъестественных сил, влияющих на жизнь человека и окружающий мир); в-третьих, философского (системное, рациональное, смыслопостигающее познание).

Если говорить об истоках и динамике развития фантастики, то она зародилась в мифологической картине мира, где «фантастическое» еще не выделялось отдельно и не считалось таковым, а служило для описания мироустройства. Со временем на смену мифологической картине мира пришла религиозная, уже проводившая четкое разделение между «реальным» и «фантастическим», и где последнее уже приобретало литературные функции и роли. Затем на смену религиозного мировоззрения пришла научная картина мира и научная фантастика, которая сближает реальный и воображаемый миры.

Теперь вот наступило время «НФ-философии», когда с помощью философского осмысления действительности стало возможным системное и рациональное объяснение мира прошлого, настоящего и будущего во взаимосвязи. Следует подчеркнуть, что в эпоху гуманитарного кризиса вопросы формирования, развития и трансформации мировоззрения человека приобрели особую остроту и жизненность. В такой ситуации писатели-фантасты оказались не просто свидетелями мировоззренческого изменения человека, но и оказались вовлеченными в процесс «последнего вопрошания» о нем, представляя в своем творчестве сопряжение часто разновременных образов и разноаспектных мировоззренческих смыслов.

Следует отметить, что нынешний человек в «художественной философии» современной фантастики предстает, как отмечает В.А.Бачинин «актером на мировом карнавале культур, религий, идеологий, философских идей». На сегодня очевидны изменения и разрыв мировоззренческой идентичности человека модерна и человека постмодерна, когда современный человек каждый раз «обнаруживается» в новых и более условных контекстах трансформации самого общества, его мировоззренческих установок. При этом нужно признать, что непосредственно в художественных текстах философскому осмыслению фантастических феноменов внимания уделялось недостаточно. Причем, обусловлено это, в первую очередь, тем, что понятие фантастики нельзя просто вывести из некоей совокупности ее литературного выражения или же рассматривать в качестве своеобразного текста.

В вышеуказанном аспекте, фантастика – это, во-первых, не столько определенный жанр литературы, сколько инструмент, с помощью которого писатели и философы пытаются открыть новый смысл в ней, а, во-вторых, это своеобразная опытно-экспериментальная площадка, где при помощи художественно-образных средств фантасты и философы пытаются раскрыть научно-философские проблемы и идеи. В этом аспекте, фантастику всегда признавали в качестве пограничной области практической философии.

Общеизвестно, фантастическое начинается на границе законов природы, и фантастика существует постольку, поскольку она выходит за эти границы и не прикрывается логической мотивацией и объяснением. По Б. Михайловскому, фантастика – это «ясно ощущаемое художником нарушение естественных форм, причинных связей, закономерностей природы». Представление о нарушении закономерностей есть только одна из возможных, хотя и очень характерных для нашего времени интерпретаций новых, вымышленных событий, явлений, фактов. В этом аспекте, поскольку фантастическое в равной степени возникает при нарушении законов естественных наук, то есть описывает парадоксальные события, не соответствующие представ-

лениям людей, есть основания говорить, что при определении фантастического можно вообще обойтись без категории «закономерность».

Тезис о «логической несовместимости» фантастических и реальных представлений подчеркивает их различие на уровне категорий, а тезис о том, что фантастика возникает «на основе реальных представлений», указывает на то, что фантастика самоопределяется, только постоянно отталкиваясь от того, что она считает реальной действительностью. Нужно отметить, что введение в дискурс какого-либо фантастического факта одновременно оборачивается введением представления о целом множестве аналогичных и не существующих фактов. Таким образом, граница между художественным реализмом и фантастикой пролегает примерно там, где лежит граница между единичными фактами и объединяющими их общими категориями.

В настоящее время, о сути и свойствах фантастики говорят следующее: во-первых, фантастика есть особая тематическая направленность литературы и искусства; во-вторых, фантастика – это изображение фактов, не существовавших и не существующих в реальной действительности с точки зрения характерных для той или иной эпохи представлений о последней; в-третьих, с точки зрения характерных для данной эпохи представлений о реальной действительности фантастические факты не существуют не только как конкретные события, но и как типы фактов, поскольку существование любых подобных фактов противоречит известным свойствам и закономерностям бытия; в-четвертых, фантастическими называют факты, намеренно придуманные фантастом, как противоречащие свойствам реальной действительности; в-пятых, фантастическими называют факты, противоречащие не любым свойствам реальности, а только тем, которые более или менее известны массовому сознанию; в-шестых, факты не перестают быть фантастическими, если их появление в литературном произведении объясняется непроверенными научными гипотезами либо прогнозами.

Нужно отметить, что при любом раскладе, для фантастики, как литературы, в принципе очень характерна и важна философская подоплека. Как известно, существуют три главных приема, на которых держится фантастика, как литературная философия. Первый. Трансгрессия – это, во-первых, переход непроходимых границ между возможным и невозможным; во-вторых, выход за пределы условностей, культурный и социальных норм; в-третьих, нарушение повествовательных и познавательных стереотипов перехода границы между реальностью и вымыслом, фантазией и сновидением, разрушение рода табу. Второй. Конвергенция – это, во-первых, сближение, совпадение, уподобление явлений друг другу; во-вторых, формальное внешнее сходство жанров, типов литературы. Третий. Диффузия. – это, во-первых, проникновение одного вещества в другое при их соприкосновении; во-вторых, взаимное проникновение разных жанров в одном литературном тексте.

Вышеуказанные приемы важны в феноменологической философии, в которой различают три разновидности воображения: во-первых, воспоминание; во-вторых, предвосхищение; в-третьих, чистая фантазия. В смысле содержания философской подоплеки, тема будущего является для фантастики особенной и чрезвычайно важной, представляя собой целый пласт литературы – новаторских в смысле философского воображения о грядущем. При этом неважно, что пророчество ученых, фантастов и философов не всегда сбываются, или, во всяком случае, сбываются не в точности, но важно другое, а именно использование метода мышления от обратного, называемого «негативной диалектикой», связанной с феноменами «ничто», «отрицание».

Такая мысль нашла свое высшее воплощение в теории Ф. Гегеля: «Всякая вещь есть синтез Бытия и Ничто», как воплощение идеи отрицания настоящего и проблематичности будущего. В этом аспекте, в фантастике наблюдается определенная симметрия: «не существование будущего обнаруживается в качестве такого же фундаментального свойства реальности, что и неизменность прошлого, а потому прогноз будущего всегда альтернативен». Однако,

какой бы не был прогноз, он очень важен, ибо, его используют, прежде всего, как аргумент, призванный скорректировать направление движения человеческого сообщества.

Социолог Ульрих Бек пишет: «Прошлое теряет способность определять настоящее. На его место выдвигается будущее, как нечто несуществующее, как конструкт, фикция в качестве причины современных переживаний и поступков». В этом аспекте, сильная сторона научной фантастики и «НФ-философии» – это «прогноз-предостережение», а также «технологическая предосторожность» как социально-философские парадигмы нового времени.

В целом, фантастика является мировоззренческой парафилософией: во-первых, в качестве продукта воображения она противостоит некоторой реальности, как несуществующее – существующему; во-вторых, в качестве комплекса произведений искусства, «изображающих-представляющих-описывающих» воображаемое противостоит реализму. В этом аспекте, фантастика выступает в качестве критического оператора некоторых оснований разнообразия мира. По сути, она универсальна в аспекте областей приложения, причем потенциально порождающих отдельные направления, в том числе «НФ-философию» («SF-Philosofy»).

Как говорилось выше, фантастика, как феномен нарушает любые установленные наукой или здравым смыслом закономерности и в этом аспекте, условное сознание фантаста является довольно парадоксальным. С одной стороны, фантаст обладает бурным фантастическим воображением, а с другой стороны, он всегда помнит, какова реальность, и здесь предполагаемая фантастом картина реальности оказывается соответствующей обыденному здравому смыслу. Этому парадоксу не стоит удивляться, так как эстетическая задача фантастики как раз и состоит в том, чтобы нарушать границы обыденного кругозора, привнося в него чуждые элементы и, тем самым, удивляя и «эпатируя» обладающего этим обыденным кругозором массового читателя. В этом аспекте, Роже Кайуа считает фантастическое как нарушающее не «законы природы», а «закономерности повседневности».

С учетом того, что данный раздел является, по сути, вводным, хотелось бы пояснить следующее. Безусловно, фантастика тесно связана с творческим мышлением. Нужно понимание того, что творчество фантаста, как впрочем ученого и философа, регулируется не только логическим мышлением, но и во многом абстрактным мышлением, а также психологическими методами и закономерностями. Вот почему во избежание шаблонного мышления творческие люди – писатели, ученые, философы «кочуют» из научного в мифологический, а оттуда в фантастический и далее в философский.

Согласно современной психологии науки и творчества, «рабочим языком» творческого мышления являются образы, метафоры, аналогии, которые способствуют всесторонности охвата познавательного мышления. На наш взгляд, именно вышеуказанный склад ума ученых, вероятно, легло в основу известного выражения: «Ученый должен умереть в писателе». Из истории известно, что писателем, в особенности писателем-фантастом, завершали жизнь многие ученые самых разных специальностей.

Как известно, налет литературности присущ почти любому философскому произведению – независимо от способа философствования. С другой стороны, общепонятно и то, что любой философ заботится о языке своих сочинений: во-первых, старается подобрать наиболее подходящие, наиболее точные слова, будь то научный или художественный, для полновесной передачи своих мыслей; во-вторых, стремиться сделать свой текст как можно более понятным, используя литературные метафоры и образы; в-третьих, использует риторические украшения, подчерпнутые из литературоведения, для удержания внимания своего читателя и продвижения в его умах и сердцах новые знания о действительности.

На сегодня сформулированы основные черты, характерные для произведений рациональных и литературных философов. Вначале о рациональной философии. Во-первых, в текстах рациональных философов всегда можно найти мысль, которую формулирует либо сам философ, либо открывает ее читатель. Почти каждое предложение автора бывает осмысленными,

а текст выражает последовательность взаимосвязанных мыслей. Во-вторых, рациональный философ старается аргументировать мысль, ссылаясь на логику и данных наук. При этом обоснования опираются на философские категории и понятия, на рациональные суждения, выводя из них следствия, то есть, по-новому освещая какие-то философские проблемы. В-третьих, рациональный философ не внушает свои идеи читателю, а посредством рациональной аргументации убеждает читателя согласиться с ними. В этом аспекте, философ строит свою работу на критике предшественников и современников, так как, он не застрахован от неясности используемых терминов, внутренней противоречивости суждений, логической непоследовательности текста, слабой доказательности и пр.

Литературная же философия отличается от рациональной философии по следующим критериям. Во-первых, если для рационального философа главное – это мысль, последовательность мыслей, а язык, слово важны для него лишь постольку, поскольку дают возможность выразить мысль, то для литературного философа главным становится сам язык, языковая форма текста, создаваемый художественный образ, а мысль оказывается чем-то второстепенным, порой даже несущественным.

Если рациональный философ сначала формулирует мысль, аргументирует ее, а потом излагает на бумаге, то литературный философ облегает предложения в слова, постепенно и образно просвечивая какую-то мысль. Во-вторых, в текстах литературной философии вместо рациональной аргументации используется внушение. То есть философ старается передать читателю какое-то чувство, на основании которого у читателя постепенно формулируется соответствующая мысль.

Именно этим объясняется широкое использование художественных образов, метафор, сравнений и прочих литературно-художественных приемов. В-третьих, невозможность построить критическую дискуссию с автором, так как его мысль еще только зарождается в виде неясной догадки, и еще не обрела четкой языковой формы. В этом случае вполне объяснимо то, что формируется «мозаичный» текст с некоей бессвязностью, расплывчатостью и умозрительностью.

Согласно нашей концепции, о чем будет сказано ниже, «НФ-философия» представляет собой компромиссный стиль, так как сочетает преимущества как рациональной, так и литературной философии. При ее использовании исчезает та самая «мозаичность», текст становится осмысленным, связанным, полноценным. Если аналитическую философию можно считать типичным образцом рационального стиля философствования, то литературная философия, как правило, бывает представленной текстами философов экзистенциалистской ориентации. В их сосуществовании выражается двойственная природа самой философии, которая колеблется между наукой и литературой и стремится пробуждать как мысль, так и чувство, пользуется как понятием, так и художественным образом. Это в полной мере касается и специфики жанра «НФ-философии».

С учетом сказанного выше, в свое время, когда я решил испытать себя в роли одновременно писателя и философа, попытался использовать тот самый компромиссный вариант – художественно-философское сочинение, представляющий некий сплав рациональной и литературной философии. Не знаю на сколько мне удалось постичь тонкости такого стиля и эпистолярного жанра «НФ-философии», но написал ряд сочинений, в которых с помощью образов, метафор, аналогий фантастики, мифологии, философии попытался «продвинуть» в умах и сердцах читателей разные, но актуальные, по сути, научно-философские проблемы. Что характерно, как бы я не старался сочетать разные стили философствования, приходилось труд разделять на три части по степени доминирования того или иного стиля. В результате всегда получилась трилогия, как совокупность науки, философии и литературы, объединенных преемственностью сюжета либо общей идеей, когда совпадают фабулы или идейное содержание книг.

Следует отметить, что стиль трилогии, а в особенности формирование из них тематических серий произведений обеспечивают ту самую эпическую полноту изображения, допуская расширение его за рамки отдельных произведений, написанных в разном стиле. Хотя серии и нарушают стройность и чёткость трёхчленного строения художественно-философского сочинения, однако в итоге вырисовывается более цельная картина исследуемой проблемы. На наш взгляд, такой стиль и подход, несмотря на «мозаичность» все же более целесообразно во имя раскрутки интересных мировоззренческих проблем.

Здесь хотелось бы отметить научную доказанность подобного принципа формирования и развития научно-мировоззренческой культуры. На наш взгляд, преимущество формирования и развития научно-мировоззренческой культуры индивида в виде трехфазной кумуляции знаний («популяризация», «концептуализация», «философизация») способствует истолкованию предмета как процесса системного научного познания на основе последовательного накопления все новых и новых истин, когда научное познание двигается от одной истины к другой, от менее общих истин к более общим, от менее фундаментальных теорий к более фундаментальным, от относительной истины к абсолютной. Забегая вперед, хочу отметить, что мною на основании вышеуказанной теории сформирована система «Системно-ответственная популяризация, концептуализация и философизация современной науки, техники и технологий», как теоретической базы «НФ-философии». Об этом будет подробно сказано во 2-части данной книги.

Очевидно, писатель, работающий в области научной фантастики, должен хорошо ориентироваться как в фундаментальных принципах, так и в последних достижениях естественных и технических наук. А нужна ли писателю-фантасту философия, и если нужна, то для чего и какая именно? Такими вопросами я задавался вначале формирования концепции «НФ-философия». На наш взгляд, философия необходима, так как рассматривает гораздо более широкую картину, скажем в эпоху всеобщей технологизации, всю триаду «Человек – Машина – Вселенная», провоцируя в людях создавая Мечты о технологическом будущем. Между тем, нужно отметить, что научно-фантастические произведения могут быть научно некорректными и технически безграмотными, если они пишутся писателями, не сведущими в вопросах науки, техники и технологий. А если за написание таких романов принимается философ от той или иной науки, то бывает обеспеченной не только правдоподобность технологий, но и системностью смыслов. Более того, философия и наука позволяет фантасту строить правдоподобные догадки и заполнять «белые пятна» мироздания.

Нужно признать, что научная фантазия, по своей сути, не может претендовать на слишком долгую актуальность, ибо, научно-фантастическое произведение пишется с определенной конкретной целью, после достижения которой оно неизбежно устаревает, и начинает представлять лишь исторический интерес. Так, что моих романов ждет такая же участь, что постигло многих уникальных фантастических сочинений. Причем, уже в ближайшем завтра. В этом аспекте, всегда правы те, кто придерживается правила фантастики «Не бойтесь мечтаний – они иногда сбываются!». Однако, в отношении «НФ-философии» такая угроза быстрого забвения не случится, так как представляет собой результат философского «анализ-синтеза» с выводным смыслом даже на очень далекую перспективу.

Нужно признать, что в авангарде развития научной фантастики всегда стояли будут стоят ученые. Среди них выделяется особая когорта – научные популяризаторы («научпопы»). Надо полагать, что необходима исключительно хорошая пропаганда науки, техники и новых технологий в целях системного повышения научно-мировоззренческой культуры индивида и человеческого сообщества. Причем, с учетом всеобщей информатизации, цифровизации, кибернетизации, когда выигрышным становится диалоговые онлайн-пространства и онлайн-площадки.

Одной из таких жгучих проблем современности является проблема самого человека – феномена «Человек». Когда в мире идет процесс явной дегуманизации, нивелировки сущности человека, акцентуация его «несовершенной природы», необходимости генеральной трансформации его биологической природы, считаю, что такой подход оправданным. Кстати, для целенаправленного осмысления феномена «Человек», мною учрежден Виртуальный Институт Человека (2020), одной из важных задач которого является осмысление феномена «Человек», в том числе в рамках последствий новых и сверхновых технологий.

Как известно, среди гуманитариев существует традиция рассматривать технику и технологии в качестве неких «дегуманизирующих» сил. Чтобы техника и технологии не были таковыми, необходима цивилизация с другой системой смыслов и ценностей, с другой научно-мировоззренческой культурой. В своих научно-фантастических романах «Пересотворить человека», «Биовзлом», «Фиаско», «Клон дервиша», «Биокомпьютер», «Проклятье Круга Зла», «Икс-паразит» (2022), «Avatar» (2023), каснулся проблемы искусственного интеллект, пересадки сознания, философии трансплантологии, эвтаназии, роботохирургии, клонирования и пр. Между тем, это примечательный субъективный пласт, позволяющий: во-первых, читателям познакомиться с авторской системой взглядов; во-вторых, узнать мнения научного сообщества по самым неожиданным и животрепещущим вопросам; в-третьих, приобщиться не только к ученым, наделенным обширными познаниями, но и к думающим, чувствующим, ироничным собеседникам.

Перечисленные варианты, безусловно, должны вдохновить читателей на собственные раздумья и исследования. В указанном аспекте, потенциал и ресурсы «НФ-философии», основанные на осмыслении контента реальных научно-фантастических сочинениях, всегда высоки, целесообразны и востребованы. На наш взгляд, научная фантастика является той самой прикладной философией и если утилитарной задачей первой является создание Мечты, то второй – осмысление взлета мыслей при попытках реализации той самой Мечты. В этом плане, на мой взгляд, научная фантастика должна быть правдоподобной хотя бы на первый взгляд, иначе они не захватят читателя и не выполнят свою главную функцию – не зажгут у него Мечту. В этом отношении, человек пишущий научную фантастику должен обязательно хорошо ориентироваться в научных и технических вопросах.

Из сказанного выше следует, что, именно ученые, безусловно, являются обладателями творческого дара, как по выдвижению фантастических идей, концепций, гипотез и теорий, так и по популяризации достижений наук, техники и технологии. В особенности, если они являются носителями идеи, вдохновителями созидания соответствующих технологий. В этом смысле, возможно, нахожусь в более лучшей позиции, чем другие, так как представляю в себя естественника (биомедицина), философа (биофилософа) и писателя (фантаста) в одном лице. Между тем, это потенциал биомедицины плюс биофилософии плюс литературы.

Рисуя прогрессивных ученых, не сдержался в какой-то мере уподобится их образу и в моих вышеприведенных научно-фантастических и социально-философских произведениях начал жить и действовать такой персонаж, как профессор Каракулов. Он продолжал жить до недавней поры. В научно-фантастическом романе «Avatar» (2023) этот персонаж превращается в аватара и продолжает жить и творить, но уже в виртуальном пространстве.

На наш взгляд, именно научная фантастика подстегивает науку, приводит ученых к раскованности воображения, открывает в них новые горизонты для мыслей, стимулирует их научный бросок в неведомое и невозможное. Воображая все это в своей голове, естественно, боялся сам впасть в круг вымыслов по Канту. Через персонажей своих сочинений хотел довести до читателей, прежде всего, тревожную мысль – в мире происходит нечто невиданное. К примеру, в научно-фантастическом романе «Икс-паразит» (2022), ученые трех поколений Набиев, Салимов и Каримов размышляют о том, что гуманизм теряет свое лицо. – «Может быть, что появление трансгуманизма, карианства показывает несостоятельность гуманизма, а появле-

ние криоционизма свидетельствует о несостоятельности дарвинской эволюции? Что дальше? Какова судьба человечества и миров вокруг? Имеет ли какую-либо конечную цель эволюция? Или же кто-то, что-то навязывает нам мировой хаос и тотальную гибель? Вот-так, ученым старшего и младшего поколения мыслилось многое, связанные с новыми и сверхновыми технологиями. Практически во всех своих произведениях предметом мышления были и есть проблема неизбежного сращения – «Человек плюс Машина». И какое сращение!

Рисующиеся их воображению «киборги» и «аватары» лишь в принципе напоминают симбиоз «Мозг плюс Машины». Все клонится к снятию контроля человеческого разума, обход без взлома критическое начало самого человека разумного, проникновение в тайны чужого сознания, перенос собственной индивидуальности в постороннее тело, либо на какой-то искусственный носитель. «Что-то должно произойти – вражда, ненависть, упадок, гибель» – это не только мои мысли об эсхатологичности нынешнего мира. Вероятно, многие, как, впрочем и я, хотели бы выразить мысль: – «Люди! Опомнитесь! Для чего вы явились в этот мир? Вы же дитя природы!».

В романе «Икс-паразит», описывая, что Набиев – это ученый-отшельник, неутомимый и разносторонний исследователь, но вместе с тем и с немалою степенью ученого тщеславия и нетерпимости, размышлял о себе. Как и ему мне в жизни всегда не доставало здравого смысла. Как и ему жить в одиночку и в одиночестве заниматься исследованиями для меня, как и ему гораздо интереснее. Что касается моих научно-философских концепций, то я в какой-то мере удовлетворен прогрессивной их направленностью, так как поднимаю вопросы искусственного интеллекта, пересадки сознания, эвтаназии, роботохирургии, клонирования, но, а с другой стороны, акцентирую в каждой из них своеобразную апологетику «технологической предосторожности».

В.М.Чумаков ввел различение «формальной» и «содержательной» фантастики. При этом содержательная фантастика – это фантастика в чистом виде, то есть в узком смысле, тогда как в случаях формальной фантастики, речь идет о «фантастике в широком смысле», то есть с периферийными экземплярами обозначаемого этим понятием класса феноменов. В моих научно-фантастических романах «Пересотворить человека», «Биовзлом», «Фиаско», Клон дервиша», «Биокомпьютер», «Аватар» содержатся именно фантастические мотивы – новые технологические разработки, созданные учеными в научных лабораториях. Они представляют тот самый «содержательный элемент необычайного», который становится в эстетической системе центральным, окрашивая весь текст в фантастические тона. Под «формальную фантастику» подпадают ряд моих социально-философских романа «Грани отчаяния», «Тегерек», «Нулевой пациент», «Проклятье круга зла», «Поиск истины».

Итак, фантастика – есть «некая деформация действительности». По определению психолога Лады Коршуновой, «воображение – это образы предметов, которые ранее, полностью или частично не воспринимались человеком». Таковы в моих научно-фантастических романах модули: автономный хирургический модуль (роман «Фиаско»); биоинформационный комплекс (роман «Аватар»); чип-гомеорегулятор (роман «Биовзлом»); нейрокомпьютерный конвергент (роман «Биокомпьютер»); оптогенетический сканер (роман «Клон дервиша»). Полагаю, что единичные фантастические «предметы» и события, порожденные художественным вымыслом, не имеют места в реальности, но так как не противоречат общим закономерностям бытия, а следовательно, возможны в рамках этих закономерностей.

Следует отметить, что зачастую фантасты не от науки, недостаточно разбирающейся в тонкостях науки, техники и технологии, когда пишут об этих вещах, допускают различные просчеты. В этом аспекте, фантастика может быть антинаучной, но лишь в том случае, если таков замысел автора, а не демонстрация его некомпетентности. Фантастический элемент, даже когда он является в сюжете вспомогательным средством, всегда так или иначе ценен и для

автора, и для находящегося с ним в тайном сговоре читателя. В данном случае, речь идет о том, что в предисловии в книгах обязательно следует давать необходимые пояснения для читателя.

Для фантастической литературы, вообще, нормально затрагивать самые сложные философские, мировоззренческие и научные вопросы. Фантастика должна содержать в себе: во-первых, что-то необычное или необыкновенное; во-вторых, что-то таинственное или неизведанное; в-третьих, что-то хорошее и светлое; в-четвертых, что-то значительное и полное смысла. А вот задачей философии является принуждение человека «проснуться, прозреть и оглянутся вокруг». В этом аспекте, согласно концепции Михаила Эпштейна, «интересность» в философии измеряется дробью, в числителе которой достоверность доказательства, а в знаменателе – вероятность доказуемого.

Понятно, что фантастика создает для читателя особый мир, особую систему образов, взаимосвязей между ними, а также сопутствующих этим образам знаний и представлений. Однако, у философа есть соответствующее «проблемное поле» в котором должна наличествовать сущностные противоречия в фантастических фактах, событиях, мыслях и идеях, которых на основе философского осмысления необходимо связать в соответствующую концепцию, систему, мезотеорию, теорию, позволяющих вообразить мир данного произведения целостным. Если миры, придуманные фантастами в рамках своего пространства, претендуют на самодостаточность и независимость, то миры, осмысленные философами придаются мирам абстракций статусов самодостаточных миров.

Фантастика, как парафилософия очень часто затрагивает такие основные философские категории, как добро и зло, жизнь и смерть, тело и душа. Философ Сенека говорил: «Сетовать по поводу смерти – это все равно, что сетовать по поводу того, что ты человек. Если ты не человек, то ты будешь уже не ты!». Речь идет о рассмотрении вышеуказанных основных философских категорий с позиции теории души и тела. Философ М. Хайдеггер выделяет «собственное» бытие человека и его «фактичность». Между прочим, это весьма основательные взгляды, в соответствии с которым мотивом может быть выделения души в качестве отдельной субстанции, позволяющего мечтать об изменении своей телесности при сохранении субъективной идентичности, а также в мечтах и воображениях присутствовать и в других мирах в рамках своей «фактичности».

Вышеприведенные мысли и социально-психологические и философские узлы представлены в сюжетах моих романов «Биокомпьютер», «Аватар», «Пересотворить человека», «Поиск истины», «Биовзлом», «Клон дервиша», «Нулевой пациент». В этом аспекте, реальный удел некоторых героев этих произведений признается безальтернативным лишь с фактической точки зрения, но не с точки зрения спектра мыслимых возможностей. По мнению Сантояны, человек прочно привязан к единственной реальности, прежде всего, благодаря своей телесности. Между тем, отход духа от тела должен способствовать увеличению числа воспринимаемых реальностей. Вот и в серии «НФ-философии» рассматриваются философия условного или даже прямого «разделения» тела и сознания. В результате, удалось получить невероятную картину и пространство мыслимого.

Как известно, если в мышлении присутствует понятие фантастического – значит данный тип мышления существует на основе мировоззрения, в рамках которого возможно различение «фантастико-иллюзорного» и «реалистично-правдоподобного». Понятие фантастики не нейтрально по отношению к картине мира, его употребление логически требует признания ряда мировоззренческих предпосылок, часть которых автор и пытается реконструировать с помощью анализа фантастического.

Любое уточнение понятия фантастического в качестве следствия требует и уточнения этих мировоззренческих предпосылок. Поэтому любой фантастический образ или сюжет может стать поводом для разговора о важных тенденциях в философии и культуры в целом, причем разговор этот становится тем более интересным, что в наше поле зрения попадают

не только определенные взгляды на окружающий мир, но и некие методы намеренной трансформации этих взглядов, к тому же, причины и побудительные мотивы того, почему представления о мире подвергаются искажению. Между тем, так или иначе речь идет о познавательной миссии нового жанра «НФ-философии».

Из истории фантастики известно, что мифология является протофантастикой, а фантастика – протофилософией, как считает Борхес. Вообще наука по отношению к современному мифу выполняет двойную роль: с одной стороны, она помогает его рождению, участвует в его создании, а с другой – сразу же, не успел миф по-настоящему родиться, начинает работу по его разрушению. Первый процесс называется конструированием мифа, а второй – деконструкцией мифа.

Подобные процессы научно-художественной верификации мною описаны в книгах «Сущность теней» (2023), «Тегерек: Мифы, тайны, тени» (2022), «Теория мифоконструкции» (2023), в которых отражены процессы конструирования мифа «Тегерек» и его деконструирование с формированием неомифа «Проклятье Круга Зла» (2023). Есть и другой процесс, имя которого «развенчание мифа». Такой процесс описан мной в книге «Развенчание мифов» (2018). Между тем, фантастика как вид искусства не только помогает рождению мифов нашего времени, но и получает из мифов огромный запас образов, ибо те образные модели действительности, которые рождаются в мифах, используются затем в искусстве, начинают жить в нем в качестве фантастики. На мой взгляд, «НФ-философия» является одной из самых технологичных, по сути, способов развенчания многих мифов.

По мнению ряда исследователей, связь фантастики с мифологическим сознанием более тесное, чем с наукой. В связи со сказанным, в настоящее время проблема накопления, сохранения и передачи знания приобретает особое значение. Нужно понимание того, что абсолютное большинство литературных и научных ценностей, накопленных веками лежат не востребованными на полках библиотек. Мы почему-то убеждены в том, что мифы, как разновидность фантастической литературы, изданные сотни и тысячу лет тому назад уже ни чему не научат, устарели. Как воспользоваться идейным багажом такого рода исторического прошлого? Как включить эти знания в ткань современной научно-мировоззренческой культуры?

На наш взгляд, необходимо использовать такие арсеналы науки, как деконструкция мифа, и на этой основе конструировать неомиф с целью установление нового смысла, с последующей научной верификацией мифов и неомифов на базе символизации, онтологизации, концептуализации, философизации, сакрализации и пр. В результате, старые знания, вынутые из архива забвения получат право жизни, как мысли, порожденные сегодня на их основе. Самое главное мысли прошлого будут оставаться в золотом фонде, сделавшись достоянием современников. Нужно признать, что мифы может быть оттого и притягательны для фантастов, что как раз двуединым методом научной фантастики можно выявить вплавленные в них крупицы истины. К тому, чего нельзя обосновать логически, писатель может с успехом применять художественный домысел. В этом аспекте, литература более ярко и широко представляет любую истину, положив под увеличительное стекло фантастики старые мифы и неомифы, применив при этом технологии научной верификации их.

Вышеуказанная идея заложена в основу серии «Перекличка веков и тысячелетий», куда входят ряд книг «Время и пространство Ибн Сино (2 тт.), «Тегерек: мифы, тайны, тени» (4 тт.), «Сущность теней». В них попытался акцентировать на то, что прошли сотни и тысяча лет с того времени, когда на земле жили люди, которые, как пишет И.А.Ефремов, «требуют раскрыть великую загадку времени, вступить в борьбу с ним! Победа над пространством и есть победа над временем». Квинтэссенцией его мнений и суждений является мысль о том, что нужно искать «пути возвращения дальнего пространства и времени, без всякого там искривления «нуль-пространства» и «нуль-времени».

Разумеется, вопрос о приоритете в тех областях человеческой деятельности, которые связаны с мифологией необычайно сложен и запутан, а потому «докопаться» до истоков того или иного мифа почти невозможно. Другое дело, когда миф сконструирован искусственно, как вымысел, как фантастика, то у него есть автор, есть своя история замысла и формирования современного мифа. В трудностях распознавания первотолчка, раскрывается как раз та загадка, которая волновала Шеллинга – «целые поколения работает над созданием нового мифа, как если бы это была единая творческая индивидуальность».

Важно отметить, что миф имеет вероятностный характер и именно это облегчает переход от мифа к неомифу, а отсюда к фантастике, и наоборот. Причем, не так просто разобраться где кончается миф и начинается фантастика, а потому такая трансформация мифа и его соотношение с фантастикой требует более тщательного и глубокого рассмотрения соотношения эстетического и познавательно-информационного начал в современном мифе. Важно отметить и проблему синтетической или даже синкретической природы современного мифа. В монографии «Сущность теней» (2023), а также в избранных трудах «Теория мифотворчества» (Ашимов И. А., 2023) мною отражена эта особенность мифов, как предопределенность возродится в форме неомифа. На мой взгляд, такую же предопределенность можно сказать и в отношении трансформации мифа в фантастику, а неомифа, соответственно, в научную фантастику.

Нужно отметить, что в свое время И.А.Ефремов не считал фантастику «преднаукой», открывающей науке новые пути. Ученые обращаются к фантастике, когда их воображение тревожит яркая идея, а «доказательных аргументов», ее подтверждающих, не существует. Публикуя свои фантастические произведения, они продолжают надеется на то, что когда-либо появятся необходимые доказательства. Жизнь и практика подтверждает, что такие надежды иногда сбываются, а потому в науке важно учитывать предысторию идей, высказанных в научно-фантастических произведениях, а также предысторию пути их в фантастику. В этом плане, прав Л.Е.Этинген, который считает, что фантасты «подхватывают» научные идеи, витающие пока в воздухе».

Размышляя над путями дальнейшей биологической эволюции человека, И.В.Муравьев и В.С.Бойко пишут: «В области отыскания новых возможностей преобразования мира и человека несправедливо жаловаться на отсутствие теорий и гипотез, непосредственно питающих сейчас фантастику». Для «НФ-философии» важно использовать любой фантастический контент. При этом она опирается на такую технологию, как дефантастизацию. Как известно, разновидностью дефантастизации является прием антитайны. В этом аспекте, широкое поле научного интереса и поиска у многих авторов попала мифология, как жанр, охватывающий жизнь наиболее широко и целостно. Нужно отметить, что именно в этом жанре всегда буксует «грань возможного».

Сегодня уже не подлежит сомнению существования таких явлений, как античастица, антивещество, антимир. Но этот «рывок за грань» сопряжен с необходимостью выработки новых научно-художественных принципов. Незыблемым остается то, что фантасты, пришедшие в фантастику и философию из науки, умеют вносить в фантастические сюжеты психологическую правду научного мышления и широчайший научно-мировоззренческий кругозор. По-видимому, корни «анти» следует искать не в злонамеренности фантастов, а в парадоксе самой науки. Рассуждая вокруг «анти» фантасты идут впереди ученых, которые обязаны сопоставить «анти», а потом найти и утвердить новую истину. Для фантастики характерно такие перевороты и турбулентного состояния. В пафосе отрицания научных законов и принципов, фантастика замахивается на перезагрузку новых законов и принципов. Между тем, это новация – новация перехода от экстраполяции конкретных истин к своеобразной экстраполяции дальних прогнозов, исходя из принципа «А почему бы нет…?

Сказанное легло в основу издания серии «Сциентизм / АнтиСциентизм» (5 тт.), в которую включены следующие произведения: «Жизнь / АнтиЖизнь» (2019), «Смерть / АнтиС-

мерть» (2020), «Сфера / АнтиСфера» (2021), «Контекст обоснования / Контекст открытия» (2022), «Религия / АнтиРелигия» (2023). Как видно, в самом названии приведены антиномии ряда важных научных и философских категорий. Между тем, это новые принципы, парадигмы и постулаты науки. Именно поэтому в избранные труды в трех томах «НФ-философия» включены конкретные научно-фантастические романы автора.

В данном случае нас интересовали отнюдь не сами романы, которые брались скорее, как типичные примеры воплощения определенных философских идей и мотивов. В фантастических сюжетах мы видим наглядное изображение: во-первых, определенных методологий мышления; во-вторых, определенных тенденций в развитии цивилизации; в-третьих, типичных психологических комплексов.

Глава 2

Научная фантастика как научная парафилософия

Научную фантастику нужно рассматривать в качестве научной парафилософии. Если мировоззренческая парафилософия поддерживает в философии ее мировоззренческий статус, тогда как научная парафилософия придает философии системность и рационализированность. Благодаря им в философии сохраняется равновесие и соразмерность. В фантастических произведениях, конечно, можно встретить достаточно «новаторские» философские идеи, но нет того самого полновесного философского «анализ-синтеза».

Как наука, так и фантастика требуют глубокого погружения человека. Наверное, в фантастике могли бы появляться полновесные философские идеи, если бы учёные-философы имели время писать романы и повести. Но такого времени у них нет, и, кроме того, хороший учёный-философ не обязательно обладает даром излагать мысли в виде качественных литературных произведений. Это талант другого рода. А у писателей тоже нет времени серьезно заниматься наукой и философией, в особенности.

На наш взгляд, чтобы выдвинуть научную идею или гипотезу, содержащую философский «анализ-синтез», а речь идет о «НФ-философии», нужно не просто иметь соответствующий талант, но как минимум умение и настойчивость глубоко копать в той или иной области познания. Между тем, современная наука как никогда стала чрезвычайно специализированной и узкопрофильной, а потому, чтобы понимать, какие процессы происходят на самых передних её рубежах, простой эрудиции и лишь богатого воображения недостаточно, а нужны знания, доступные лишь специалистам.

Нужно отметить, что роль научной фантастики как инструмента развития воображения о будущем, в особенности в области прогнозов развития человека и общества, о новых технологиях и их измерениях и оценках «прогноз-предостережений», трудно переоценить. Сейчас, именно в этой области немало «прогностических» произведений, которых следует осмыслить на уровне философской аргументации. В этом плане, именно ученые, обладающие богатым воображением и высоким уровнем научного образования, могут: во-первых, осмыслить многое путем «анализ-синтеза»; во-вторых, сформулировать аргументы в аспекте «прогнозы-предостережения» возможного развития человечества; в-третьих, показать модели возможных последствий использования тех или иных изобретений, технологий, научных открытий, социально-политических решений.

Органичное встраивание любых подобных прогнозов в хороший литературный сюжет, чтобы дойти до широкой публики – вот главная цель научной фантастики, как научно-мировоззренческой парафилософии. И чем чаще писатели-фантасты и ученые-философы будут рассматривать актуальные вопросы развития науки, технологии, мировоззрения, строить модели возможных их последствий как для отдельных личностей, так и для человечества в целом, тем больше вероятность, что человеческое общество найдет пути решения стоящих перед ними задач.

Мы сейчас переживаем время невероятного всплеска научно-технологических достижений, которых, во-первых, нужно обнародовать и разъяснить, а во-вторых, осмыслить и понять. Нужна была попытка научной фантастики, с одной стороны, и философии – с другой, сделать шаги в сторону того, чтобы, во-первых, в опережающем темпе осмыслить новое, а во-вторых, внести в умы людей новое, поистине революционные «представления» и «понятия» об относительности.

Зачастую даже сегодня обычный человек просто психологически не готов понять и принять некоторые научные и научно-технологические парадоксы. А ведь научно-мировоззренческая культура остается конечным мерилом человека. В этой связи, нужно использовать последовательную, куммулятивную, трехфазную технологию познания, лежащую в основе научно-

мировоззренческой культуры: во-первых, на популярном уровне; во-вторых, на концептуальном уровне; в-третьих, на философском уровне. В свое время мною была выдвинута научная идея «Триадный синтез научно-мировоззренческой культуры индивида» (Свидетельство №25—1, регистрационный №649, РФ, Москва, 2017), отражающую именно такую систему. Об этом будет сказано во 2-части книги.

На уровне популяризации науки с помощью научно-фантастических произведений даже самый рядовой человек получит возможность ознакомится с новым знанием, понять его с помощью условности научно-фантастической идеи и метафоричности материала, то есть на уровне «приключения мысли». На этом этапе к научно-фантастической идее неприложим критерий буквальной научно-технологической правды. Она метафорична, но многозначна, больше напоминая художественный образ, чем логические понятия. Даже сложные понятия и идеи в силу образности, многовариативности, может натолкнуть такого читателя на самостоятельный поиск новых знаний более высокого уровня.

Нужно понять, что отношение художественной фантазии с наукой и технологиями не укладываются в простую «доводку» научной правды до человека. Фантаст добивается осмысления человеком этой правды через правдоподобие изложения «невозможного» вымысла. Условно-фантастический посыл к читателю позволяет фантасту развернуть любую картину реальности и виртуальной реальности. Ему приходится отступать от научной правды и тогда, когда добросовестно пытается угадать будущее открытие, и тогда, когда, как художник обставляет их заведомо условными вымыслами.

Самое интересно то, что эти условные допущения в научной фантастики переходят: во-первых, на уровень реальных проектов; во-вторых, на уровень осмысления и постановки вопросов; в-третьих, на уровень решения философской или социологической проблемы. Ведь условность в научной фантастике не должен быть ниже уровня научного мышления, а в «НФ-философии» – уровня философского осмысления. Если сформулировать объект научной фантастики в самом общем виде, это, прежде всего, взаимодействие НТ-ТП с человеком. Ее художественная система двойственна, так как используются два различных ряда образов: во-первых, конкретный и отвлеченный; во-вторых, эмоциональный и интеллектуальный.

В восприятии научно-фантастической книги есть нечто от чтения научных трудов, так как фантастический домысел не только смысловая, но и интеллектуальная «доводка» научной идеи. Вот почему, научно-фантастические произведения как никогда приблизились к столбовой дороге новых знаний, новых технологий, сделался как бы беллетристическим бюллетенем новейшей науки и технологий.

Сейчас научная фантастика – это добротная популяризация науки и технологий. В этом отношении, она поучает, развлекая (По Жюль Верну). По сути, и мои научно-фантастические романы, направлены на привлечения читателя на самостоятельную научную работу. А с другой стороны, возможности литературы больше, чем науки в аспекте предвосхищения последствий и возможности знаний, которые подчас неясны даже самому ученому. Если фантастику пишет ученый, то, несомненно, придается большая строгость научной фантазии, ибо, он знает и обладает необходимой интуицией, правилами экстраполяции и аналогии. Здесь ему помогает его опыт исследователя и больший багаж свободной ассоциации.

В научной фантастике та или иная художественная идея реализуется иначе, чем в «бытовой» литературе. Там она раскрывается через конкретный образ героя, здесь же персонаж сам в значительной мере раскрывается через отвлеченную идею. И эта обратная связь приобретает особое значение. Как ученый-медик, философ и писатель в своих научно-фантастических произведениях, подпадающих в цикл «НФ-философия», пытался популяризировать не текущую научно-практическую технологию, а «сверхтехнологию», то есть тенденцию и динамику развития. При этом приходится соединять философское осмысление новых феноменов гуманизма, а также социально-психологические прогнозы с научной фантастикой с его необычными допу-

щениями, когда научно-техническое воображение устремляется за пределы возможного, куда не достигает локатор обоснованного предвиденья.

Каждый фантаст знает, что срабатывает закон Жюль Верна: «Все, что человек способен представить в своем воображении, другие сумеют претворить в жизнь». Автор писал: «Фантастика пробуждает работу мозга. Затем появляется желание, а за желанием возникла деятельность ума в том направлении». В этом плане, мои научно-фантастические произведения нелегко отделить от моих целевых научных трудов, ибо, построено согласно моей авторской научно-познавательной стратегии, предполагающей три фазы познания: «П», «К», «Ф». Об этом сказано во 2-й части книги.

Как ученый, представляющий не только естественнонаучную, но и гуманитарную науки, признаю, что в моих произведениях занимательность и художественность отступают на второй план перед научной достоверностью, дающую для читателя серьезное логическое познание, наиболее достоверное знание о предмете рассуждения. То есть их достоинство не в беллетристике, а в характере и уровне научности фантазии. Иначе говоря в них нет бытовой обыденности, а акцентированы на научное содержание, которое, как мне кажется, должно быть именно изложено, а не изображено. По сути, это особый род не только популяризации науки, но и философствования.

В указанном аспекте, в своих научно-фантастических романах часто пользовался приемом доказательство от противного, что дает простор парадоксальному сюжету, построенному уже на чисто научной посылке. При этом поэтика фантастического повествования мною не привносилась извне, за счет приключенческой фабулы, а как бы развивалась из самого фантастического допущения. То есть в них присутствуют все важные элементы логики научного воображения, касательно осмысления внутренней связь НТ-ТП с социальной жизнью, психологическими мотивами, с тревогой ожидания будущего механизированной цивилизации. В этом аспекте, в романах использованы: во-первых, сознательные полемические переклички; во-вторых, парадоксы социально-психологического восприятия; в-третьих, философские аллегории. Все они в той или иной степени взаимосвязаны с некоторыми фабульными особенностями либо философскими построениями книг, прежде всего, в том, что новые и сверхновые технологии с позиции предосторожности представляют некую опасность своими последствиями, коих нужно вовремя осмыслить и отвратить.

Признаюсь в том, что у меня, как, впрочем у многих, довлеет так называемый художественно-философский субъективизм. Предостережение и надежда – вот те противоположные полюса, между которыми колеблются мои мысли – гиперболизированные, гротескные, провокационные, светлые и темные, отражающие суть человеческих страстей. Кроме общности приемов изложения и манеры ведения обсуждения все мои научно-фантастические романы объединены еще одной мыслью, с разных сторон освещаемой в каждом их них: это – мысль о том, что новые и сверхновые технологии значительно облегчают деятельность самого человека, но в то же время представляют определенные опасные последствия, которых необходимо не только вовремя осознать, но и предупредить. Очень часто описываю как в научных лабораториях и кабинетах зреет грандиозный переворот сознания, представления людей о мире и о себе. Как медик и философ, а также организатор науки, всегда считал, что нынешняя наука сильна, но разъединена.

Каждая отрасль имеет свой язык – привилегия для посвященных, препятствие для остальных. Отсюда мнимые задачи и часто окольные пути в простых вопросах. Сейчас время интеграции наук, время трансеоретических и междисциплинарных наук, время глобального и квантового мышления. Сейчас нужен синтез знаний и наук. Как мне кажется научная фантастика особенно нуждается в этом жизненно необходимом обобщении исходного материала. Ведь фантасты, сталкиваясь с нечеткостью общей картины вынуждены объединять россыпи

«эпизодов из науки», а это чревато нагромождением научного и литературного шлака вокруг действительно актуальных и парадоксальных фантастических идей.

В условиях интеграции знаний и наук, как правило, возникает необходимость постепенного, дозированного приобщения людей к такой идеологии. В этом аспекте использование научной фантастики для философско-психологического памфлета: пересадка головного мозга, роботохирургия, интерфейс искусственного интеллекта и «мозга в контейнере» является не только целесообразной, но и своевременной. При этом не претендую в своих персонажах большего, чем на философско-психологический силуэт, вовремя останавливаясь у той грани, за которой заканчивается специалист и начинается человек со всеми характерными чертами. А ведь писатели-фантасты, но не из круга ученых, мало уделяют внимание на познавательные аспекты, часто акцентируя на художественной стороне произведения. Тем не менее, признаюсь в том, что, возможно, иногда довожу читателей до головной боли, описывая детали новых технологий и злоупотребляя научным лексиконом.

Если писатели-фантасты довольно неразборчиво черпают «научно-техническую» оснастку у всех по не многу, то я, как ученый и философ, детально знаю предмет научного материала. Между тем, речь идет о том, чтобы не допускалась в научно-фантастических произведениях той самой деформированности научно-фантастического элемента. В моих произведениях сюжет не деформируют неприсущие им социальные или психологические категории.

Если многие фантасты ведут вольный, не ограниченный ни научной, ни художественной системой, то я, как ученый и философ всегда придерживался строгой возможности науки и технологии, а потому мои прогнозы все же носят печать правдоподобия, хотя в них не исключены спорные вопросы по существу. Хотя, есть в моих книгах научная авантюра, героика ученых, а вместо с ним утопии, иллюзии. Однозначно, не являюсь сторонником обязательного практического применения результатов фундаментальных исследований, хотя в своей научно-практической деятельности всегда продвигал именно фундаментальную науку. Мне чужда позиция обывателя «Нечего на звезды смотреть, на земле работы много…». Хотя, всегда сомневался в том, нужны ли мои работы? Нужен ли тот большой научный анализ и философский синтез естественнонаучной и гуманитарной фантастики и науки, то самое предвиденье новых человеческих отношений, к которому стремился.

Мне кажется, что со временем биография научных идей, гипотез, открытий, новых и сверхновых технологий все больше будет увлекать фантастов и философов. В этом аспекте, судьба научного замысла, их философское осмысление являются важнейшим сюжетным ходом не только научной фантастики, но и контента «НФ-философии». В этом плане, творчество фантастов и философов станут «ближе к жизни» в том смысле, что их герои-ученые раскрываются в своих научных замыслах, в столкновении идей, в своей способности понять общественный и философский смысл научных идей, гипотез, открытий и технологий. В настоящее время фигура ученого перестал быть чисто фабульным элементом, слились событийная составляющая сюжета с психологической составляющей личности ученого. В этом аспекте, не только в научной фантастике, но и в «НФ-философии», всегда нужно как можно чаще и больше отражать их интеллектуальную лабораторию.

Научно-фантастические романы, вошедших в серию «НФ-философия» объединяют не столько внешние фабульные связи, сколько связи внутренние, проблемно-тематические. В предисловии к каждой книге подчеркивается, что мотивацией книги явились те или иные научные факты и тенденции и все они входят в систему анализа последствий в будущем, что является внутренним основанием практически всех моих книг. По сути, речь идет об единой фабульной пунктурности, когда содержание книг дробится на цепочки сюжетов, отрабатывая в каждом часть или детали той или иной проблемы.

На мой взгляд, это обусловлено тем, что наука не всегда благоприятствует целостному изображению перспектив проблемы. В этой связи, пользуясь возможностью научной фанта-

стики с одной стороны и философии – с другой, пытался восполнить недостаточную концептуальность содержания. Между тем, это уже новый уровень знания и новый уровень осмысления. Ведь параллельно дроблению идет процесс по фазной генерализации и интеграции («П» + «К» + «Ф»).

Хотелось бы подчеркнуть, что серии моих научно-фантастических произведений, все же является компромиссным вариантом ассоциативного объединения фрагментов и единой сюжетности приключения научной мысли, а вместе с тем и ученых и научных коллективов, как носителей этих мыслей. Полагаю, что через мою серию книг в океан литературы и философии вливается поток интересных научных идей, а многотемье будет способствовать формированию еще одних элементов «НФ-философии».

В качестве писателя попытался отразить взаимоотношения ученых разных специальностей, разного уровня мышления, разных мотивов и идей. На мой взгляд, это на фоне процесса интеграции, включая взаимопроникновение науки и социальной жизни, создает методологическую предпосылку целостной научно-фантастической концепции. В частности, «НФ-философию» Сознания, в которой четко видна двуединность современного знания: во-первых, диалектика дифференциации; во-вторых, диалектика интеграции; в-третьих, углубленное осмысление на уровне философии. В этом отношении, как мне кажется, удалось в какой-то мере свести в единый замысел «НФ-философии» совершенно разные научно-тематические материалы. Понимаю, что в романах в некоторых местах имеет место перегруженность специальными сведениями и «технологическими» эпизодами, но не отнять в них «фантастику масштабов» – сверхновые технологии и их последствия.

По сути, драматичный сюжет романа «Аватар» в какой-то мере аналогичный таковому беляевскому «Голова профессора Доуэля». В этой книге, я допускаю погибель главного персонажа моих многих научно-фантастических и социально-психологических романов и повестей – профессора Каракулова – отдаленно, метафорично, напоминающего собственный прообраз. Тем самым символически останавливаю свои произведения, в которых главным контекстным виртуализированным персонажем являюсь сам.

Ценность романа не в физиологических премудростях сохранения мозга в контейнере, а в неожиданном научно-мировоззренческом прогнозировании интерфейса искусственного интеллекта с «мозгом в контейнере». Мозг принадлежит Каракулову, который умирает от сердечного приступа, а «мозг в контейнере» – это не только метафора, а мозг, продолжающий мыслить и довлеть над искусственным интеллектом. Речь идет также о продлении творческого века мозга.

Фабула романа – с последним вздохом профессора Каракулова, его мозг, заточенный в контейнере и размещенный в чреве искусственного интеллекта продолжает мыслит, сохранив свою индивидуальность. В данном романе использован как прием научной фантастики – путешествие во времени. Осколок прошлого, моей волей как автора, перенесенный в виртуальный мир словами аватара – кибернетизированного Каракулова, говорит: «Зачем мне теперь реальный мир? Конец и начало всего теперь во мне. Для меня только мое сознание – действительность».

Практически все мои научно-фантастические романы о недалеком будущем в радиусе 20—50 лет, когда перед человеком неизбежно встанет задача усовершенствования своей природы. Революционные идеи «нового человека» пытаюсь донести до публики с завидной навязчивостью. Они вложены в сюжеты ряда книг в виде смелых высказываний, идей, гипотез и открытий. В романе «Фиаско» предметом размышления являются вопросы вероятного развеществления хирургической специальности, когда место человека-хирурга займет операционный биокомплекс (условно «робот-хирург»), который будет выполнять операции любой сложности и в любой области. Причем, более четко, квалифицированно, искусно, чем любой виртуозный человек-хирург (!).

В сюжете книги идейная линия развеществления деятельности человека, его обезличение, а также дематериализация биологической сущности человека, как впрочем при смерти мозга или же интерфейса искусственного интеллекта и «мозга в контейнере». Когда все это произойдет, когда автор поставит итоговую точку, как факт реализации своих исследовательских задач, сможет ли он, автор, прекратить либо существование своего детища, или свое символическое существование? Чтобы не пропустить саму идею в реальную жизнь, ибо, последствием может быть дереализации самого этого мира. Именно на этих научно-фантастических и художественно-психологических координатах идет размышление и философское обобщение: хирург решается на эксперимент на больном. Но отступить от его принципов принесет больше вреда, чем пользы.

Признаться, мне чужды фэнтези, далекие космические миры, сверхестественные изобретения, чудо. В моих романах местом действия зачастую является простая исследовательская лаборатория или клиника. Однако, мысли и действия героев направлены на практическое применение уже завтра. В этом аспекте, в отдаленности и детализации фантастических допущений его лимитирует в основном собственные способности анализировать и обобщать представления современников о своем завтра. Тем не менее, герои моих романов наделены смелостью перешагнуть через «грань возможного». В этом аспекте, меня, как автора, можно отнести к категории «предельщиков», которые отличаются тем, что принципиально связывают фантастические воображение с научным открытием, основанными уже на уже известных принципах. При этом оставляю за собой право утверждать о том, что НТ-ТП давно ушел по линии обновления самих принципов.

Надо полагать, что научно-фантастическую гипотезу нужно разрабатывать не только на стыке различных наук, но и в русле «реки времени», то есть модернизирует давно ушедшее время либо модернизирует дальний всплеск будущего. В частности, углубляясь в тысячелетия прошлого времени и пространства Ибн Сино или столетий, отражая борьбу, направленной инстинктом сохранения своего рода, к поиску путей социально-психологического освобождения, к подвижничеству во имя бесконечного возвышения человека. Был вынужден оперировать далекими темами, сюжетами и образами. В своих книгах о прошлом попытался воссоздает облик давно минувшей культуры из каких-то крупиц возможной исторической правды и логических догадок. Эти фантастические идеи отражены в моих романах «Клон дервиша», «Аватар», «Поиск истины».

В указанных книгах речь идет о том, что запасник человеческой памяти может быть мобилизован при помощи интерфейса искусственного интеллекта и «мозга в контейнере», а также «прочитан» у клонированного человека. То есть в какой мере оторванная память от аватара может сохранить что-то от виртуализированной или клонированной личности. Эти синтезированные личности могут вобрать, как свой собственный опыт, так и генетическую и историческую память многих поколений в своем роду. Таким образом, сутью фантастического допущения является то, что живую свалку памяти в человеке можно отобрать, очистить и прочитать. Что же представляет в этом смысле электронная память искусственного интеллекта, архивированная генетическая память клонированного двойника? Личности ли «мозг в контейнере» и клон? Можно ли вообще говорить о том, что биологическая эволюция человека подошла к концу и отсюда уже начинается эволюция сознания?

Нужно отметить, что научно-фантастическое воображение так или иначе направлено не на логически очищенный парадокс, а на отношение научной проблемы к человеку. Следовательно, в условиях тотальной биотехнологизации нет более важнее темы для исследований, как биологической, психологической, социальной и философской проблема природы самого человека. Все эти мысли подвигли меня на создание Виртуального Института Человека для канализации усилий ученых по изучению именно феномена «Человек».

Общеизвестно, фантаст, безусловно, должен обладать богатым воображением, уметь строить увлекательную фабулу, проявляя подчас интересную исследовательскую интуицию. Тем более того, когда нынешняя научная фантастика вышла к какому-то новому повороту. Что за ней? Нужно заглянуть в те дали, куда не достигает локатор достоверного научного предвиденья. В моем романе «Биовзлом» затронуты те самые «неясные дали» эвтаназии. Сейчас эвтаназия уже широко бытует в медицине мировых государств. В этом романе на традиционную канву и идеологию эвтаназии, попытался нанизать биокибернетическую технологию на соответствующий медицинский материал.

При этом получил ответ на многие вопросы нравственности и морали в условиях умышленной легализации эвтаназии и выбрав рамки условного эвтаназийного кризиса. То есть, сделав научно-философские допущения, истоками которых являются научно-фантастические сюжеты, выразил тот самый эвтаназийный кризис в форме драмы, трагедии и даже гротеска. Надеялся на то, что узнав о сути и проблемах такого морально-нравственного кризиса человечества общество содрогнется. Но не тут-то было. Все факты говорят о том, что эвтаназия процветает, нивелируя человеческое в человеке.

Хотелось бы отметить, что никогда не подгонял свои научно-фантастические романы под гриф «НФ-философия». Но так вышло, что все мои сочинения оказались в той или иной мере философскими. В них нет бытовой приземленности, хотя отмечается однообразие и суховатость практически всех персонажей от науки, вопреки моему старанию акцентировать на романтике творческого труда ученых. В книгах нет приключенческих сюжетов, а есть «приключения мыслей». В этом аспекте, они носят печать переходности от научно-фантастической к научно-популяризаторской. Между тем, это более высокий тип фантастики, главным событием которого является «приключение мыслей».

Доведение уровня фантазирования до уровня философствования является задачей именно «НФ-философии». В этой связи, мною уделено почти равное внимание на реалистическую обрисовку личности ученого на фоне некоторого схематизма фантастических положений, будничности обыденного и необычность неведомого, а также бытового и научного слога. Каждая научно-фантастическая история лишь частично перерастает в биографию научного подвига ученых, раскрываются не только судьбы разных типов ученых, но и судьба самой науки, прежде всего.

Как известно, в научной фантастике важно свобода фантастического воображения. Если в «Солярисе» С. Лема океан чужой планеты являет собой ее гигантский мозг, в котором прорисовывается «жуткая доброта», то в моем романе «Аватар», «мозг в контейнере», то есть аватар (виртуализированная личность) пытается переподчинить себе искусственный интеллект, высказывая операторам версию последствий его бунта. Во всяком случае такая завязка в сюжете представляет собой тонкую ускользающую грань между неодушевленной материей и человеческим сознанием. В этом аспекте, признаюсь, что выступаю все же не в качестве доктринера-моралиста, а как ученый, знающий проблему изнутри и как философ, смотрящий на проблему извне.

Признаться, всегда был против догматизации «теории совершенствования человеческого рода», считая, что надо отходить от пути «упрощения» реальной человеческой индивидуальности в пользу научного конструирования новых человеческих типов, перестройки биологической природы человека. Меня, как автора книг всегда интересовали вопросы: как будет меняться психика человека под влиянием той или иной технологии? Как далеко человек пойдет в конструировании самого себя? Сумеет ли он отстоят свою человечность?

Именно эти вопросы и проблемы глубокого философского значения являются предметом отражения во всех моих романах, которые, по сути, представляют не что иное, как форму художественно организованных философских диалогов ученых. Нужно признать, что с их помо-

щью шла своеобразная ломка обычных понятий и критериев суждения, сближая обыденное мышление людей с научным мышлением ученых.

Именно наука и технология гармонично работают в «одной упряжке» в рамках научной фантастики, где они исполняют функции источников фантастических феноменов. В настоящее время огромное значение приобретают виртуальные фантастические феномены, то есть явления, необычность и противоестественность которых объясняется тем, что они являются сновидениями, компьютерной виртуальностью. Они действительно могут составить занимательные сюжеты. Таким образом, все фантастические факты, события, явления, случающееся в Глубине, относятся к виртуальным фантастическим феноменам. Но само существование Глубины является уже техническим феноменом.

Использование в фантастике виртуальных феноменов представляет собой как бы двойное манипулирование способностью к фантазии. С одной стороны, сны, видения с точки зрения психологии являются результатом работы воображения. С другой стороны, сама фантастика есть результат воображения, в которой воплощаются образы, якобы порожденные воображаемой работой воображения. Именно таково в романе «Аватар». В нем аватар доволен тем двойственным состоянием, в которое он попал, считая, что такая двойственность является вершиной духовного совершенствования человека. Первым шагом такого совершенствования становится способность души отделяться от живущего в материальном мире тела и постигать миры в Абсолюте, достигнув духовного пробуждения, обретя способности жить одновременно во многих временных параметрах виртуального мира – прошлом, настоящем, будущем.

Ситуация в романа «Аватар» заключается в том, что аватар переживает одновременно две разных реальности – прошлое и настоящее. И вот два мира совмещаются, переплетаются, и люди одновременно ощущают свое нахождение и в том, и в этом мире. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты – одна картина мира накладывается на другую. Мысль аватара все время придумывает вторую реальность, стоящую за кулисами повседневной действительности. Конечно, данный роман не столь однозначен, но эта неоднозначность происходит, главным образом, оттого, что я попытался изобразить в одном сочинении две виртуальной реальности, а их взаимодействие между собой – это уже отдельная тема.

Фантастичность заключается в том, что аватар переходят из одного сна в другой с той же легкостью, с какой в Интернете можно переходить с одного сайта на другой. Хотя, у меня всегда сохранялась сомнение в том, все ли логично, не оборваны ли сюжетные линии. Представляю себе читателя, оставшегося в недоумении «что автор хотел сказать?». В этой связи, хотелось бы подчеркнуть, что эпоха виртуальных технологий еще впереди, мы сами, как и наши персонажи только-только входим в мир кажимостей и только-только начинаем знакомиться с чудесными возможностями виртуальной реальности, порождаемой искусственным интеллектом. Романы «Биокомпьютер», «Аватар» представляют собой по большей части ознакомительную экскурсию в новые миры, выполняя научно-популяризаторскую функцию.

Станислав Лем в книге «Сумма технологии» предсказал «фантаматику» – некую симуляционную технику, которая в будущем станет обеспечивать абсолютную иллюзию присутствия в виртуальных мирах. В романе «Аватар» такую возможность представляет нейробиокомплекс – модуль «F-Ash-53». Возможность такой техники, разумеется, заставляет задуматься над вопросом, в какой степени достижения в рамках виртуальной реальности будут обладать той же ценностью, что и успехи в повседневной жизни. Оператор данного модуля виртуальной реальности – есть не что иное, как «оператор условной материализации», что придает ему сходство со сложным научно-технологическим процессом кибернетического уровня, так как речь идет о создании интерфейса искусственного интеллекта и «мозга в контейнере». Между тем, это процесс многолетней, последовательной, поэтапной, слаженной работы целой научной компании («ADI-ARS»). Об этом свидетельствуют многочисленные научные диалоги ученых на многочисленных научных формах высокого класса.

Разумеется, такие вымышленные модули, как «F-Ash-53» (роман «Аватар»), нейрокомпьютерный конвергент (роман «Биокомпьютер»), роботохирургический агрегат (роман «Фиаско»), чип-гомеорегулятор (роман «Биовзлом»), патогентический сканер (роман «Клон дервиша»), на самом деле не могут работать, согласно описанной схемы устройства, но сделано фантастическое допущение о том, что эти модули действуют вопреки логики, составляя в сути тот самый фантастический парадокс.

Понимая, что объяснение «неправильного» с точки зрения логики, вымышленных модулей, не иметь большого значения, то описание их в какой-то степени упрошено или даже вовсе опушено. В этом аспекте, многие фантасты считают лишним подробное техническое описание своих изобретений, так как они оказываются ничем иным, как красиво раскрашенным и ярко упакованным Ничто. Это обстоятельство и привело к постепенному исчезновению подробных технических описаний из текстов НФ-произведений. В этой связи, фантастические модули в моих романах являются просто антуражем.

Сегодня неполноценность успеха, достигнутого геймером с помощью компьютерного симулятора, можно объяснить тем, что информационный поток подлинной жизни гораздо мощнее компьютерно-игрового: жизнь длится последовательно изо дня в день многие годы, она давит сразу на все органы чувств, она связана с подлинным риском, она обеспечивает «эффект присутствия». Но если симуляторы достигнут столь высокого уровня совершенства, как в романе интерфейс искусственного интеллекта плюс «мозга в контейнере», то обнажится важнейший вопрос будущего человеческой цивилизации.

Если фантастическое, к примеру виртуализированная личность (роман «Аватар») помещается в виртуальный мир прошлого, может ли жить и работать эта личность, может ли он противодействовать давлению искусственного интеллекта – это сверхпроблема, которую надо как-то нашей цивилизации решить. Если фантасты лишь обязаны ставить проблемы такого порядка, то ученые, философы, совместно с ними, обязаны предложить хотя бы версию решения этой сверхпроблемы.

В итоге статус фантастического вымысла умножается на статус научной и философской концепции. Именно такую «манипуляцию» я использовал при написании научно-фантастических романов, а также итоговых уже философских обобщений в настоящей книге «НФ-философия». В романах «Клон дервиша», «Аватар» мною использован распространенный подвид такой стратегии, как перенесение действия в будущее и, наоборот, в прошлое. Психолог Реваз Натадзе пишет о том, что в некоторых случаях воображаемая ситуация, о которой человек знает, что она не настоящая, способна стимулировать человеческое поведение даже лучше, чем ситуация реальная.

В романах «Биокомпьютер», «Аватар» отражает идею о том, что техническое совершенство компьютерных симуляторов не должно иметь решающего значения. В частности, человек с радостью узнает, что кроме навязанной ему реальности есть еще и иные варианты бытия, и их можно беспрепятственно мыслить, хотя и не настаивая на равенстве онтологических статусов. Он с радостью также узнает, что компьютерная технологий протезирует его мозг и осмысливает появление нового, более высокого уровня Сознания. Но не более (!). Дальше нужен объявить хотя бы временный табу. Михаил Эпштейн писал: «Возможное есть особый модус „можествования“, который выводит нас за пределы реальности». Это напрямую касается компьютерного протезирования интеллекта (роман «Биокомпьютер») и биовласти нового Сознания на основе интерфейса мозга и искусственного интеллекта (романы «Биозвлом», «Аватар»).

Фантастические виртуальные миры – это альтернативные миры. Осмысление того, что человек может «присутствовать», то есть жить и действовать в несуществующей реальности, причем именно в статусе несуществующего – это парадоксальная ситуация и, по сути, является предметом «анализ-синтеза» НФ-философии. Для того, чтобы человеческое мышление почувствовало себя посреди скрещения альтернатив, оно, прежде всего, должно выиграть битву

за разнообразие образов мира – и ради такой победы оно первоначально готово пожертвовать битвой за статусы. Именно такая борьба происходит в сюжете романов «Аватар» и «Биокомпьютер». Герои этих произведений показывают на своем примере, что излишне трезвый, отрицающий всякие вымыслы рассудок внушает уныние, тогда как люди с богатым воображением на примере своей жизни и деятельности отрицают гегельянский принцип тождества существования и мыслимости: «Все, что не существует – нельзя и помыслить».

Жюль Верн писал: «Все, что человек способен представить в воображении, другие сумеют претворить в жизнь». Михаил Эпштейн писал: «Сама мыслимость предмета уже заключает некое условие его возможности, поскольку, по определению Лейбница, возможное – это то, что не содержит противоречивого, то есть А = не-А, а основной закон мышления как раз и требует избегать такого противоречия». «Желаемое – мыслимо и, следовательно, возможно», – таков девиз фантастов. Такой онтологический принцип особенно характерно для так называемой технико-технологической фантастике, чья задача в основном сводится к демонстрации возможных будущих достижений техники и технологий. В этом процессе огромная роль принадлежит человеческим желаниям, которые являются ничем иным, как локомотивом мирового прогресса. Причем, желания всегда обгоняют возможность технико-технологической сферы.

Ханна Арендт пишет: «Наука лишь воплощает в жизнь человеческие мечты и фантазии». Именно мечты, грезы и желания позволяют человеку встретиться с фантастическим миром и эта встреча само по себе ставит вопрос о том, возможно ли их исполнение в реальной действительности. В этом аспекте, реализуемость/нереализуемость человеческих желаний есть фундаментальная антиномия фантастики. Согласно теории Теодюля Рибо, процесс использования воображения обществом включает в себя три фазы: во-первых, «намеченное воображение» (мечты и грезы); во-вторых, «выясненное воображение» (научно-философские идеи и гипотезы); в-третьих, «воплощенное воображение» (реализованная на практике воображение).

Ученый может дать научное или техническое объяснение фантастическому, а писатель-фантаст, не зная уровень достижения науки, техники и технологии, может создать сочинения, в котором не было нужды, ибо они уже реализованы на практике. Однако, фантаст-философ, на базе науки и фантастики с помощью «анализ-синтеза» находит новую смысловую нагрузку, литературных и научных результатов. В связи с проявляющейся в фантастике диалектикой цели и средства хотелось бы поразмышлять над существующими в литературоведческой литературе классификациями встречающихся в сказках волшебных предметах.

Фантастика пробивает брешь в стене, отделяющих мир желания от мира реальности. В романе «Аватар» – это модуль виртуальной реальности, которая обеспечивает положение личности, ставшего аватаром в этом мире, но в глубине души сознающего, что все происходящее с ним – лишь сон и виртуальная реальность прошедшего, настоящего и будущего времени. Однако, на основе желания и мечтания аватара теоретически «возможно все», вплоть воскрешение генетической памяти, спрятанной в подсознании, позволяющего прожить ему жизнь в прошлом отдаленностью в тысячи лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.